

Наталья Резанова

Княжеская ведьма

*Часть сборника
Игра времен (сборник)*

Наталья Резанова
Княжеская ведьма

«Автор»

2009

Резанова Н. В.

Княжеская ведьма / Н. В. Резанова — «Автор», 2009

«Они пришли ночью, той ночью, когда никто не ждет опасности, когда зло самим небом принуждено отдыхать, а бедные – радоваться. Вся стража была пьяна, все часовые спали, и укрепления пали без шума и сопротивления. А дальше они вошли в город, и люди, уснувшие, утомившись праздничным весельем, пробуждались от криков и, ослепнув от пламени, бросались наружу, прямо на обнаженные лезвия мечей, и многие погибали, так и не узнав, что происходит, тем же, кто узнал, лучше бы погибнуть в неведении. В ту ночь, кровавую ночь Рождества, среди грабежей, насилия и убийств уже шли поиски. Меня искали в доме, на пылающих улицах, на темных площадях. Но меня там не было, не было в городе, и то, что разоряет его враг, оставалось для меня скрытым...»

© Резанова Н. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

I. Карен	6
II. Торгерн	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наталья Резанова

Княжеская ведьма

(Не причину зла)

© Н. Резанова, 2008

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Если же свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма?
От Матфея 6:23*

I. Карен

Они пришли ночью, той ночью, когда никто не ждет опасности, когда зло самим небом принуждено отдыхать, а бедные – радоваться. Вся стража была пьяна, все часовые спали, и укрепления пали без шума и сопротивления. А дальше они вошли в город, и люди, уснувшие, утомившись праздничным весельем, пробуждались от криков и, ослепнув от пламени, бросались наружу, прямо на обнаженные лезвия мечей, и многие погибали, так и не узнав, что происходит, тем же, кто узнал, лучше бы погибнуть в неведении. В ту ночь, кровавую ночь Рождества, среди грабежей, насилия и убийств уже шли поиски. Меня искали в доме, на пылающих улицах, на темных площадях. Но меня там не было, не было в городе, и то, что разоряет его враг, оставалось для меня скрытым. Нет, так нельзя. Нельзя начинать рассказ с середины, даже если не знаешь, какой у рассказа будет конец. Это нечестно. Вряд ли кто-нибудь увидит эти записки прежде моей смерти, а тогда уж некому будет разъяснить непонятное. Даже если теперь пишу я для себя всего лишь. Ибо всякий, взявшийся за перо, втайне предполагает, что написанное им прочтут чужие глаза. Но пока я пишу для себя, для того, чтобы помочь смятенной своей душе обрести мир и успокоение. Слишком долго она служила подспорьем для иного, моя душа. Я лишена возможности, предоставленной всему крещеному человечеству, – пойти на исповедь и снять с души грех, а грех на ней, видит Бог, есть, и вовсе не потому, что я, как утверждают невежды, ведьма, это я не считаю своим грехом... может быть, такие, как я, вообще вне церкви... если они есть, такие, как я... Над этим стоит поразмыслить.

А чтоб можно было уяснить, почему я обречена на молчание, я начинаю. Я, Карен из Тригондума, пишу эти строки, называемая впоследствии по людскому недомыслию княжеской ведьмой, рождена в законе от свободных родителей. Наш род – издавна свободный. Предки мои поселились в Тригондуме более века назад. Мой отец был старшиной цеха кровельщиков и жил в собственном доме, что в Колокольном переулке, неподалеку от церкви Преображения. И его отец был кровельщиком и жил там же, и дед, и отец деда, а кто был дед деда и откуда он пришел, не помнил никто. Он-то и был первым, кто принес в город Черную Летопись.

Вряд ли найдется человек в трех королевствах, который бы не слышал преданий о Черной Летописи, но никто не может толком сказать, что она такое. Слишком много тайн ушло в небытие с наступлением темных веков, и редкие знающие сумели сохранить эти тайны и укрыть их от жадных, злых и тупых. Черная Летопись лишь называется летописью, ибо она никогда не была записана, ее хранилище – память, она передается от отца к сыну, и так до тех пор, пока небеса не явят знак, что знанию пришла пора выйти на свет из укрытия. Более века наш род хранит тайну Летописи. Но если кто рассчитывает узнать о ней что-нибудь, пусть не читает дальше. Я рассказываю здесь свою собственную историю, а не историю Летописи. Небеса молчат, а до прочего мне нет дела. Я продолжаю. Уже было упомянуто, что знание передавалось от отца к сыну, но у моего отца, впервые в нашем роду, сыновей не было. Я родилась, когда мои родители были уже немолоды, и мать вскоре после этого умерла, так что я оказалась в семье единственным ребенком. Я не могу, конечно, помнить своего рождения, но, говорят, и вспоминать там было нечего – не кричали птицы на крыше, в очаге не погас огонь, и звезда не стояла в окне, словом, не случилось никаких знамений, что судьба моя отмечена событиями необычайными.

Таковыми же обычными, как рождение, были и первые годы моей жизни, разве что матери у меня не было, но ведь это случается не так редко.

Между тем отец мой, рассудив, что я достаточно разумна, а главное, памятьлива и что немало было случаев, когда, за неимением сыновей, наследовала дочь «от плуга к прялке», как сказано в законе, решил передать мне свои знания, с тем, чтобы я в надлежащее время

передала их своим детям. Мой отец был человек необыкновенный, я таких больше не встречала и вряд ли встречу. Достаточно сказать, что у нас в доме были книги, и столько, сколько их не было у всех правителей Тригондума, как бы они ни назывались, разве что в городском Доме Закона, где тоже были грамотные люди... для чего я высчитываю, ведь нет давно ни книг тех, ни домов... Еще мой отец свободно говорил на пяти языках, при том, что он никогда не покидал города. Так что к тому времени, когда он приступил к обучению, я была не только грамотна, но понимала уже начатки свободных наук. Само обучение шло неспешно и заняло три года, и о нем я не скажу ничего. Затем произошло событие, которое многое изменило в моей жизни. Впрочем, не только мне остался памятен день, когда обрушился старый каменный мост через Триг. По мосту проходил эскорт епископа, а за ним – обозные телеги, а внизу и вокруг толпился народ, так что пострадали многие, и убитых было больше, чем раненых. Я в тот день шла на рынок и, чтобы спрямить дорогу, как всегда, проходила под мостом и оказалась в самой гуще обломков и мертвых тел, а подробнее я не могу описать, потому что тогда в первый и единственный раз в жизни лишилась сознания. Скажу только, что, когда меня нашли, изранена и искалечена я была так, что все городские лекари отказались меня лечить, сказав, что к жизни меня вернуть невозможно. Но отец не смирился. Жила тогда у городских ворот старуха Нехасса, лечившая травами и заговорами и разными прочими способами, которые известны знахаркам. Отец привел ее. Осмотрев меня – а я уже совсем умирала, – она объявила, что берется за лечение, но меня придется долго выхаживать. Тогда отец отдал ей все деньги, какие у него были, и посулил еще, и Нехасса осталась у нас.

По прошествии некоторого времени мне стало немного лучше, и я понимала уже все, что происходит, хотя вставать по-прежнему не вставала. Нехасса же, призвав отца к моему одру, сказала нам, что я выживу наверняка и даже смогу передвигаться без посторонней помощи, но увечья, полученные мной, слишком тяжелы, и из-за них я никогда не стану такой, как все женщины, и детей у меня никогда не будет. И с этим она ничего поделать не может, и плата ей не нужна.

Слова ее удручили меня чрезвычайно. И это было не горе женщины, обреченной на бездетность, потому что тогда я была слишком молода и не сознавала, что значит бесплодие. Но отец научил меня относиться к себе как к продолжательнице, единому звену в цепи рода, и теперь все оказалось напрасно. Когда мы с отцом остались наедине, а он был огорчен меньше, чем я думала, я обратилась к нему с просьбой жениться и родить других детей, раз уж я ни на что не пригодна. Он ответил: «Во-первых, тогда в тайну стало бы посвящено больше людей, чем положено. А во-вторых, я уже стар и не хочу повторять больше того, что сделано. Все твое с тобой. Ты будешь жить и найдешь человека, который тебе унаследует – не по крови, а по достоинствам своим. Ведь дело не в родстве, а в благородстве души».

Так он сказал, и больше об этом речи не было. Нехасса продолжала приходить ко мне, так как болела я долго. Сейчас, однако, я думаю, она поступала так не только по обязанности. Похоже, я была ей нужна не меньше, чем она мне. Нехасса была женщина умная и рассуждала, вероятно, так же, как мой отец, только причины у нее были свои. Ведь у нее тоже не было родных: умерли или разбрелись по свету – все равно. Люди умирают, от этого никуда не уйти, но знания умирать не должны. Целыми днями она просиживала у моей постели и разговаривала со мной о свойствах растений и камней, о болезнях тела и души. Моя память была достаточно развита постоянными упражнениями, и я без труда запоминала ее слова.

Так проходило время, и я начала подниматься, хотя ноги еще плохо меня слушались. Отец смастерил костыли, и я училась ходить по дому и с нетерпением ждала, когда смогу вместе с Нехассой выйти за городскую стену за травами. Казалось, несчастья наши кончились. Это самое обманчивое из искушений судьбы, но тогда я этого не знала. Несчастье приходит, откуда мы его не ждем, хотя потом оказывается, что именно оттуда его и следовало ожидать. А что обычно ждет кровельщика? Отец во время работы сорвался с крыши и разбился насмерть.

Он не сразу умер, за мной послали, но я еще не могла ходить быстро, и, пока я ковыляла на своих костылях, он скончался. Говорили, что перед смертью он бредил на незнакомом языке, никто не мог понять его, и его последние слова мне неизвестны. Он умер без причастия, но, поскольку он пользовался в городе большим уважением, похоронили его с соблюдением надлежащих обрядов и в церковной ограде, и я осталась одна. Была еще Нехасса, но вскоре умерла и она. К тому времени я знала столько же, сколько она, и я заняла ее место.

Я должна объяснить. В глазах людей ничего не произошло – умерла в околотке одна знахарка, появилась другая. Как везде. Только всем привычно, что знахарками становятся к старости, а молодых знахарок не бывает. Но я была бедна, и заботиться обо мне было некому – родные умерли, мужа нет. И какой у меня мог быть муж? Дело даже не в моем увечье, о нем после смерти Нехассы никто не знал. Все гораздо проще. Бедная девушка может найти мужа, если она крепкая, здоровая, или уж очень хороша собой. О моем здоровье сказано достаточно. Но дело в том, что я весьма нехороша. Не была даже до болезни, а уж после – и вовсе. То есть я не чудовище, я не горбатая и теперь даже не хромяя, вид мой не вызывает отвращения, но и только. Я попросту некрасива. Достаточно сказать, что еще ни одна женщина не отнеслась ко мне плохо, а это что-нибудь да значит. Правда, некоторые из них говорили мне, что у меня красивые глаза и волосы, но, насколько я понимаю, когда хвалят волосы и глаза – это последнее дело, больше похвалить нечего. Я некрасива, и это необходимо запомнить, чтобы верно представить дальнейшие события. Итак, я заняла место Нехассы, и пришлось лечить всяческие болячки. Дела шли удачно, и скоро в городе стали поговаривать, что никто лучше меня не может вскрыть нарыв, унять колики в животе, остановить кровотечение и заговорить зубную боль. Однако ни один человек не называл меня ведьмой. В нашем городе понимали разницу между ведьмой и знахаркой. Знахарка лечит, а что делает ведьма – пусть расскажет тот, кто лучше знает это ремесло. Ко мне обращались даже священники и монахи, они ведь тоже люди и хворают. Я лечила тех, кто просил у меня помощи, без отказа – снадобьями, готовить которые меня научила Нехасса, а также умела составлять новые и лелеяла мысль описать их свойства в книге, только все откладывала. Бог даст, я еще напишу ее, эту книгу.

Но не только хвори заполняли пять с лишним лет, что я была городской знахаркой. Ко мне приходили советоваться по разным делам, что при Нехассе не было заведено.

Здесь я снова должна остановиться. Я никогда не говорю о том, чего не могу объяснить, и с радостью умолчала бы об этом вообще. Но сказать необходимо, хотя, возможно, это будет самое темное место в моих писаниях.

Среди моих умений есть нечто, чего не было ни в Летописи отца, ни в лекарской науке Нехассы. Этому меня не учил никто, и я не знаю этому названия. Не достаточно ли будет сказать, что я вижу то, что большинство людей не видит, и могу то, чего другие не могут? Все это чрезвычайно странно. Читая старые книги, я узнала, что в прошлом бывали случаи, подобные моему, но объяснений, которые там приводятся, я принять не могу. В прошлом ответа я не нашла, а будущее – мое собственное будущее – остается для меня закрытым, хотя читающий мою повесть может усомниться.

Иногда я думала, что мой дар – нечто вроде платы за то, что я калека. Но по чьей воле определяется эта плата и какой ценой? И сколько существует на свете калек без всякой платы? Мне это известно лучше, чем кому-либо. Возможны и другие догадки, которых я не хочу здесь приводить. Но это не от дьявола. Дьявола я не знаю и не видела. Но если оно от Бога, то почему так беспросветно темна в последний год была моя жизнь? Почему Он не посылает мне светлых видений? Это отчасти убеждает меня, что причиной всему – лишь я сама. Иные силы здесь ни при чем. Дальнейшие рассуждения могут смутить умы, и больше о моем умении здесь ничего не будет сказано.

Итак, я жила в родительском доме и родном городе, не причиняя никому зла и пользуясь доброй славой. Нельзя сказать, чтоб эта слава приносила много дохода, но при том, что ем я

мало, а одеваюсь просто, я ни в чем не нуждалась. А посему я не видела причин менять свои привычки и образ жизни. Я была еще достаточно молода, чтобы не беспокоиться о преемнике. Нет, мысль о предназначении не мучила меня тогда. Возможно, потому, что истинное свое предназначение я уже исполняла. Вот оно – защищать, а не разрушать. Пусть это запомнит тот, кто решит дочитать мою рукопись до конца.

Вероятно, я слишком много пишу о тех ничем не примечательных годах. Я и сама не думала, что буду так часто вспоминать времена, когда я делила свои занятия между собиранием трав и разбиением дряг среди соседей. Помочь, утешить, унять боль и прояснить мысли... Пожалуй, я была тогда счастлива, если человек, одолеваемый вечным беспокойством духа, вообще может быть счастлив. Беспокойство? Это слово удивило бы тех, кто знает меня. Они склонны отождествлять его с крикливостью, плаксивостью, бог знает с чем. Никто из ныне здравствующих не слышал, чтобы я повышала голос. Но я-то знаю. А не причинять зла мне было легко. Предположим, я была уродом, но я не чувствовала себя им. Над уродами смеются, а надо мной никто не смеялся. Уроды все злые, а разве я была злой? Я и сейчас, когда пишу эти строки, не могу назвать себя злой. Но было время, когда я злой – стала. А это – как оспа. Болезнь прошла, рубцы остались. Сколько рубцов у меня на душе, знает лишь Бог. Но разум... он чист и, кажется, только укрепился.

Ладно, оставим это. Могут подумать, что я чрезмерно выхваляю себя, строя невесть какую праведницу. Нет. Хотя я вела жизнь аскетическую, к праведникам я себя никоим образом не причисляю. Люди по большей части не знают разницы между добром и злом, но для меня различие между ними всегда было даже слишком ясно. И тем не менее (может быть, именно потому) ради конечного добра я совершала поступки, которые иначе как дурными назвать не могу. Не от незнания – вот что я говорю, от знания многого я так поступала. Здесь я заканчиваю свое не в меру растянувшееся вступление и перехожу к описанию событий, ради которых затеян этот рассказ.

Зимой, о которой я веду речь, снег начал падать с вечера Дня Всех Святых и шел потом неделю кряду. Мороза не было; не было и ветра. Погода стояла тихая. В тот день, ближе к вечеру, ко мне пришли медник с соседней улицы и его дочь. Дело шло об ее замужестве. Жених был выгодный, но запрашивал непомерно большое приданое, и отец хотел отказаться от брака, однако девица уперлась, и, чтобы разобраться, кто прав, и решить, что предпринять, они направились за советом ко мне.

Такие разговоры никогда быстро не кончаются, и, когда они ушли, давно стемнело. Провожая их, я заметила, что ни в одном из ближних домов уже не горит огонь. Спать я не собиралась, а решила заняться своими делами. Пора было обновить запас снадобий, и я поднялась на чердак. Там у меня сушились травы. Я вспоминаю, как хорошо они были разобраны и разложены, с какой любовью и старанием, и все там было приятно и зрению, и обонянию – с закрытыми глазами я нашла бы то, что хотела, и мне становится грустно от того, что все это пропало, хотя это неразумно – с тех пор в моей жизни случались потери пострашнее.

Итак, я взяла, что мне было нужно, и, когда спустилась, услышала, что в дверь стучат. К знахарке редко приходят ночью, она же не ведьма, и таиться здесь нечего, однако бывают случаи, когда на время не смотрят, – трудные роды или что подобное. Но я сразу догадалась, что тут причиной не болезнь – слишком тихо стучали, осторожно, чтобы не разбудить соседей. И мне это не понравилось – бог знает почему. И все же дверь я отперла. На улице продолжал тихо падать снег, и стоял человек среднего роста в плаще с капюшоном. Капюшон был надвинут на самый нос.

– Ты – Карен-лекарка, – сказал человек. Он не спрашивал, а утверждал, и это мне тоже не понравилось.

– Так меня зовут.

– У меня к тебе дело.

– Говори.

– Не здесь. В доме.

– Я не пускаю в дом мужчин по ночам.

– Дело мое тайное. О нем никто не должен слышать.

– Скажешь в сенях. – Я поняла: он предпочитал, чтобы его не только не слышали, но и не видели. Дальше я его не собиралась пускать.

Он поднялся по ступенькам. Я встала, загораживая ему путь в глубь дома.

– Я слушаю.

– У тебя в доме есть книги. Это всем известно.

– Дальше.

– Я хочу купить кое-что.

– Мои книги не продажные.

– Я плачу золотом. – Под плащом что-то звякнуло. Было тепло, но капюшон он не снимал, и я уже догадывалась, почему. Я успела разглядеть небритый подбородок, острый хрящеватый нос и длинные темные волосы. Он все время пытался заглянуть мне за плечо, и это было неприятно. Он не нравился мне все больше и больше. В таких случаях я обычно полагаюсь на свое чутье, и пока не было случая, чтоб оно меня обмануло.

– Что ты хочешь купить?

– Пропусти меня, я посмотрю и выберу.

– Нет.

– Как так?

– Я не пускаю чужих к моим книгам. Скажи, что тебе нужно, я вынесу и покажу.

Наконец до него дошло, что таким путем он ничего не добьется. Он хмыкнул. Решился.

– Ладно. Давай начистоту. Скажу тебе сразу – мне нужна Черная Летопись тайных сокровищ, пещер и укреплений, оставшихся от древних.

Он, видимо, давно заучивал название и произнес его со значением.

Но я и глазом не повела.

– Учти, помешанных я не лечу.

– Я знаю, что она у тебя есть. Ты никому ее не продавала. Оставила себе, ясно. Но одна ты ничего не найдешь, сил не хватит. Предлагаю сто солидов сейчас и пятьдесят, если я не смогу ее прочесть. А сокровища, когда я найду их, – пополам.

Сто золотых – огромная сумма для наших бедных краев, почти непредставимая. Денег было мало, и ходили они по большей части в серебре, да и то – в городе. В деревнях люди вообще не видели денег.

– Ты явно бредишь, пришелец. Какая летопись, какие сокровища?

– Ты прекрасно владеешь собой. Но провести меня тебе не удастся. Я знаю обо всем от твоего отца, кровельщика. Если не веришь, могу сказать, как это было.

Я промолчала.

– Он лежал, вокруг все суетились, и на меня никто особо не смотрел. А он бормочет... Я нагнулся. Он говорил на западном диалекте, я его не слишком хорошо разбираю, и очень тихо, но все же я сумел понять, что он поминает Черную Летопись, которая хранится у его дочери.

Я ничего не говорила, и он продолжал:

– Тогда мне пришлось срочно убраться из города, и я не успел тебя разыскать... да и не соображал я тогда толком ничего...

– А сейчас ты соображаешь толком? Или бред умирающего принял за Святое Писание?

– Ты меня не сбивай! Я даром времени не терял, хоть и туговато бывало в эти годы. Ходил, расспрашивал, наконец, уяснил. Уясни и ты. Тебе, слабой и чахлой, лучше выхода нет, чем поделиться со мной. Тем более что я предлагаю тебе кучу денег.

– Советую оставить деньги при себе и уходить подобру-поздорову.

– Это ты что, грозишь мне? Я же тебя одним пальцем раздавлю, как козявку, немочь ходячая, а вот решил сделать милость, предложил честную сделку, но могу передумать, хотя бы и сейчас, и никакие знахарские наговоры тебе не помогут!

Он дернулся вперед, при этом капюшон у него немного съехал, и, глядя, как у него зачесаны волосы, я утвердилась в своей догадке. Под плащом у него был тесак, но он не стал его вынимать, рассчитывая, что я и так испугаюсь, однако у меня за дверью на бочке всегда лежал топор, и я стояла так, что он у меня был как раз под рукой.

– Что ж, суд не карает за убийство ночного грабителя, – спокойно сказала я и взмахнула топором.

Он отскочил в сильном испуге – от самого ли топора или от того, как легко я его занесла. Я не собиралась его убивать, но рассердилась, потому что он все время напирал на мою чахлость и болезненность, хоть это отчасти была правда. Так что я продолжала идти на него с занесенным топором. Он попятился, запнулся о порог, поскользнулся и свалился с крыльца. Снегу нападало еще не так много, и он, пожалуй, сильно ушибся.

– Ступай прочь! Нет у меня в доме никаких летописей, а кабы и были, так не для безухих воров!

Он заворочался на снегу, что-то бормоча. Перед тем, как закрыть дверь, я прибавила:

– А если вздумаешь ломиться в дом, то я подниму всю улицу!

Я решила безопасности ради до утра не ложиться спать, однако была уверена, что нападения этой ночью не будет. Мои слова возымели должное действие. Этот человек уже побывал в руках палача, и у него имелись все основания скрываться. Я совсем не боялась его, хотя и следовало быть настороже. Он был слишком ничтожен, чтобы причинить мне вред, и заслуживал только презрения. Но я могла бы и тогда догадаться, что порой самые малые причины вызывают великие бедствия.

А бедствия заполняли обитаемые земли. То, что в Тригондуме жили мирно, было величайшим чудом или следствием бедности и неплодородия края. Война во всех трех королевствах шла уже долгие годы, и трудно было даже запомнить, не то, что представить: кто с кем воюет. Наш город неоднократно переходил от одного правителя к другому, когда в очередной раз перекраивались земли. Но все это происходило далеко, жизнь горожан затрагивало мало, а меня и вовсе не касалось. К войне привыкли, горожане не думали о ней, а так как их дела были и моими делами, не думала о войне и я. А подумать стоило. Подумать о многом. Например, почему люди привыкают к войне. Дурные времена – скажут в ответ. Но бывают ли хорошие времена? Может, о том, свидетельницей чего я стала впоследствии, будут вспоминать со светлой слезой умиления. Вспоминать? Вернее, заново придумывать. Ведь забыть так легко.

Только не мне.

Забвения я не прошу. Не прошу никогда и ничего. Что я получила, то уже получила, и больше ничего не будет.

Примерно три недели прошли спокойно, а однажды, пробыв целый день в отсутствии – больной, к которому меня вызвали, был очень плох, хотя и не безнадежен, – по возвращении я увидела, что у меня в доме побывали. Жилище мое невелико, и непрошеными гостями не был позабыт ни погреб, ни чердак. Ничего не украли, но все было разбросано и разворошено. Особенно упорно рылись в книгах, но не побрезговали и кухней, и постелью. И не надо было быть не только ведьмой, но и знахаркой, чтоб догадаться, кто здесь был и зачем. Ничего он не нашел, и не мог найти, поскольку я сказала правду – среди моих книг нет никакой Летописи. Но именно правде люди обычно и не верят. Интереснее другое – раз он не взял других книг, значит, сумел определить, что ни одна из них не соответствует тому, что он ищет. Выходит, был грамотен, а это большая редкость. Странно, но не слишком. Грамотного вора в наше время все же проще встретить, чем грамотного правителя.

Я понимала, конечно, что Безухий меня в покое не оставит. И не испугалась. Я только была раздражена, хотя и ожидала чего-то подобного, и сильно утомилась, прибирая в доме и расставляя все по своим местам. Поэтому единственная мысль, посетившая меня по поводу второго пришествия Безухого, была следующая: «Хорошо бы завести собаку».

Можно сказать, что так никогда и не появившаяся в моем доме собака спасла мне жизнь. Ибо отчасти по причине этой заботы меня не оказалось в городе в ту страшную рождественскую ночь.

Я не хотела бы, чтоб думали, будто я из-за своей немощи вечно сидела сиднем. Я не сидела, даже когда ходила с костылями, а теперь в них давно уже не было нужды. Разумеется, я предпочитала находиться дома, но мне случалось покидать городские стены, и на значительный срок. С ранней весны до поздней осени я бродила по окрестным рощам и пустошам, ибо каждая трава, или цветок, или корень, или ягода имеют свой срок сбора, и в дни этих походов находила приют у разных людей. Чаще всего останавливалась на ферме у Бранда и его жены.

Я не стану подробно о них рассказывать. Просто добрые люди среднего, по здешним понятиям, достатка. Мы были дружны. Конечно, у нашей дружбы была деловая основа, чего я отнюдь не порицаю. В доме росла целая орава ребятишек, которых я пользовала от разных незатейливых хворей, Бранд иногда присылал мне муку и овощи. Скотину у них сторожила огромная злющая собака по кличке Хольда. О ней-то я как раз и подумала, прибирая в доме после того, как Безухий пытался меня обокрасть. Вскорости Бранды приехали в город что-то продавать, зашли ко мне и пригласили погостить у них на Рождество. Я согласилась.

До сих пор думаю – почему я не почувствовала надвигающейся опасности? Ведь если она угрожала не только мне, но и городу, тем сильнее я должна была ее ощутить. И почему я все-таки именно в это время покинула город? Я же могла просто передать им свое пожелание, они сами ко мне приходили, так нет, сорвалась с места, оделась потеплее, погрузилась на повозку и поехала. Было ли это простым совпадением?

Повторяю – есть много явлений, природа которых мне неизвестна, но если судьба – «и могучая участь», как сказал языческий поэт, – хотели сохранить Летопись, все должно было произойти именно так. Если бы я знала о готовящемся нападении, покинула бы я город? Никогда. Ничего, разумеется, я бы этим не изменила, наш слабый гарнизон не превратился бы в многочисленную армию, а ветхие укрепления не оделись бы могучими стенами – но я бы осталась. И гибель моя в ту ночь огня и крови была более чем очевидна. Правда, теперь мне известно, что у них был приказ не убивать меня, но кто во время резни слушает приказы? Единственный способ избежать опасности был не знать о ней.

Это лишь одна из моих догадок. Верна ли она – не мне судить. Все совершающееся на свете имеет не одно объяснение, и даже не два, и, возможно, не двести. И что до этого тем, кто пребывает в неведении? Война? Но приморский Арвен и предгорный Вильман, купеческий союз Сламбед и княжество Торгернское – это так далеко, почти столь же далеко, как Рим или город Константина, а о них-то кому придет в голову беспокоиться? Рвите друг другу глотки, короли и князья, а мы – простые люди, у нас свои дела, и я пока никто, я одна из вас, и все мы вместе.

Бранды жили к северу от Тригондума. Снег лежал там глубже, чем рядом с городом, и нетронутые белые поля простирались на мили вокруг. Наконец мы прибыли, к общей радости, понятно, меня не просто так приглашали, там требовалось кое-кого подлечить, но я на это и рассчитывала. Щенков там в это время не было, но мы договорились, что, когда Хольда будет цениться, одного дадут мне. Я теперь даже рада, что их там не было, потому что, если б я прихватила с собой щенка по возвращении в город, что бы с ним случилось? Смешно и думать о судьбе жалкой бессловесной твари после гибели стольких людей, но я почему-то не смеюсь.

До Рождества оставалось еще несколько дней, и жизнь в хозяйстве Бранда текла как обычно. Я помогала его жене по дому, возилась с ребятишками. Не припомню ни одного

сколько-нибудь значительного происшествия, которое бы стоило отдельного упоминания. Жизнь, жизнь, как ее описать, когда она просто есть? Пришел и прошел Сочельник, и настала эта ночь, которая по-прежнему была для меня ночью омель и остролиста и никакой иной. Если на свете стояла кровавая звезда, что, как говорят, отмечает роковые события, то я не видела ее сквозь соломенную крышу. К празднику зарезали свинью, и в ту ночь все собравшиеся в доме ели жареную свинину, запивая ее красным вином – его могли позволить себе лишь раз в году, остальное время обходились пивом, – дети носились по горнице, взрослые распевали во всю глотку, и ничто не подсказало мне, что именно сейчас...

Что-то плохо выполняют мои записки задачу, ради которой были начаты – успокоить томящийся в смятении дух. Более чем когда-либо моя душа напоминает обнаженную трепещущую плоть. Что ж, когда нужно излечить рану, порой долго приходится ковыряться в ней ножом.

Вновь и вновь возвращаюсь я к мысли, почему я так ясно вижу это – городскую стражу, плавающую в крови, обезумевших от страха людей, выбегающих из горящих домов, все, все, что творилось в Тригондуме в ту гибельную ночь... Та ночь... иногда мне кажется, что она все еще длится. Я помню ее, словно сама побывала там, словно убийства и насилия происходили у меня на глазах, и на меня рушились пылающие стены. Но ведь в действительности я этого так и не увидела, да и до сей поры мне не приходилось находиться посреди гибнущего города. Но когда на следующий день к нам прибежал мельников мальчишка и бессвязно сообщил о падении города, я это видела. Не так, как представляем мы описанное словами, а так, как дано видеть охваченное взглядом. Я ничего не выдумываю. Я видела то, что произошло на самом деле. Но если мне дано было увидеть, то почему не на день раньше? Или это опять было предопределено?

Впрочем, если я начну рассуждать о том, зачем и почему случилось то, что случилось, я снова отклонюсь от своего рассказа и никогда не доберусь до главного, поскольку сейчас нахожусь в самом начале повествования. Здесь нужно отметить только то, что гибель Тригондума лишь несколько позже стала одним из моих неотвязных воспоминаний. Пока она была явью, мое видение воспринималось как должное, так я к нему и относилась.

Первые дни все были в ужасе, ожидая неотвратимого появления вражеского войска в округе. Лишь я одна постоянно думала о том, что творится в городе, словно заранее уверившись, что солдаты сюда не придут. Они и не пришли, чтоб сразу сказать.

Произошедшие события потрясли меня тем сильнее, что обычно я весьма сдержанна в проявлениях чувств – лекари быстро этому научаются. Но мне по-прежнему – завидная слепота! – не приходило в голову связать то, что представлялось мне превратностью войны, с визитом Безухого.

Поначалу, когда положение вещей еще не установилось, не могло быть и речи о возвращении в Тригондум, хотя в необходимости своего возвращения я не сомневалась. Поэтому я решила собрать все доходящие до нас через деревню и мельницу сведения, а были они следующие. Тригондум захватили войска князя Торгернского, про которого городские умники думали, что он сейчас на юге, где-то у Юкунды, ведет бои с тамошним полководцем Йоргом. Как и почему армия Торгерна оказалась под стенами Тригондума, никто не знал. Об этом военном предводителе нам приходилось слышать и раньше, и дурные то были слухи. Само по себе это еще ничего не значит. Добрых властителей не бывает. Будь он добрым, как бы он сохранял власть? Такое сочту недоразумением. Но – касательно Торгерна. Будь он всего лишь жестоким, жадным и необузданным (а именно таким он и был), вряд ли бы это заставило людей в трех королевствах говорить о нем. Пожалуй, в длинном ряду подобных ему он выделялся только непочтением к церкви и ее служителям, и в то же время толковали о его приверженности самым диким суевериям. Кошунством власть имущих теперь тоже мало кого удивишь, и

крещенные властители далеко превосходят язычников, однако такое святотатство, как резня в Рождественскую ночь, потрясло даже ко всему привычные умы.

Несмотря на то что нападение было неожиданным, а городской гарнизон, как уже упоминалось, недостаточен, легкость одержанной Торгерном победы казалась мне подозрительной, и я предположила, что здесь не обошлось без предательства. Впоследствии выяснилось, что так оно и было. Непонятно мне было только, что понадобилось князю в бедном и удаленном от главных торговых путей Тригондуме. Хотя, возможно, другие области были доведены войной до еще большего истощения.

Так или иначе, прошло не меньше недели, прежде чем в городе прекратились грабежи и пожары. У нас по-прежнему было спокойно.

Мельнику каким-то кружным путем удавалось получать известия из города. Ближайшие соседи обычно собирались в доме Бранда, чтобы послушать новости и посудачить. Стало известно, что Торгерн потребовал с города большой выкуп, чтобы по получении покинуть занятый Тригондум. Если же горожане не соберут указанной суммы – какой, здесь не знали, – он пригрозил срыть городские укрепления, как это обычно делалось в подобных случаях.

Солдаты не показывались, и чада с домочадцами Бранда, уже пережившие страх неминуемой смерти (а когда страх терпеть невозможно, умирает либо человек, либо страх), понемногу успокоились. Крестьяне – народ стойкий, хоть и скрывают это ради собственной выгоды. Они – как трава, которую ежегодно если не косят, так вытаптывают, и которая ежегодно прорастает. К тому же они никогда не принимают близко к сердцу городские дела. Правда, я тоже была горожанкой, но об этом они часто забывали. Однако я о городе забыть не могла. И когда поняла, что здесь больше во мне не нуждаются, начала собираться назад. Никто меня не гнал, конечно. Они бы даже предпочли, чтоб я осталась, тем более что я представляла собой скорее лишние руки, чем лишний рот. И все же в городе при сложившихся обстоятельствах лекарка была куда как нужнее. Дом мой был каменный и не мог полностью сгореть, а бедность и незначительность имущества вряд ли привлекли внимание грабителей. Единственной ценностью, и немалой, были книги – но не для всех и каждого, а для тех, кто в этом разбирается. А к чему солдатам старые пергаменты да еще пучки высохших трав? К тому же они могли услышать, что это дом знахарки, а такие вещи нередко вызывают у людей грубых и невежественных почтение и страх. Словом, я почти ожидала найти свой дом невредимым, что же до прочих опасностей, угрожающих женщине в захваченном врагами городе, то я рассчитывала отчасти на свое внешнее убожество, отчасти на то, что по прошествии времени страсти уже поутихли. Короче, мое решение было бесповоротным. Бранды же не внимали моим доводам, и я покинула их жилище, провожаемая общим плачем и воем, словно отправляясь на смерть. С тех пор я не видела этих добрых людей, и более о них ничего не будет рассказано.

День был ясный и морозный. Холод меня не страшил, я редко мерзну, да и одежда у меня была теплая. Дорога в том краю одна, и мне пришлось миновать мельницу. Мельник стоял на пороге своего дома, и мы коротко переговорили. Он рассказал, что в городе действительно стало потише и даже разрешено торговать. «Может, все еще и образуется», – добавил он. Я отнюдь не была в этом уверена, но возражать не стала. Он предложил подождать, покуда сам не поедет в город с подручным, чтобы я могла отправиться вместе с ними. Я отказалась. Дорога была открыта, и я не хотела мешкать.

Путь мой был мирным, словно судьба решила уделить мне толику покоя перед ожидающими меня испытаниями. А может быть, в наше время, когда ничего не происходит, и есть случай, достойный упоминания. Не сворачивая с дороги, я шагала среди заснеженных полей и, переночевав в брошенной овчарне, добралась до Тригондума.

Все, хватит, не буду я больше писать! Мало было все это увидеть, все пережить, так надо еще и рассказывать... Кто, Господи, кто может заставить человека сделать такое, может этого потребовать? Никто. Разве что сам человек.

Нет, я буду продолжать. Пусть земля уйдет из-под ног – я продолжу. Пусть тело будет биться в корчах – я продолжу. Пусть. Я должна продолжать до тех пор, пока у меня есть руки, чтобы держать перо. Или уж по рукам – топором...

О проклятое, бессмысленное племя убийц! Не иначе, как племенем назову вас, хоть и рождаетесь вы среди разных народов. Но нарушивший мир ради собственной выгоды теряет имя своего народа. Он ваш по крови, убийцы! Мнится порой, что в канун Суда небеса не станут посылать на землю предсказанные Иоанном казни – люди сами уничтожат друг друга скорее, чем мор, саранча, град и землетрясения. Одна лишь надежда укрепляет меня – убийцы не могут жить в мире и между собой! Если б они перегрызлись до последнего! Только для того, чтобы увидеть это, я хотела бы прожить столь долго, сколь способен человек. Увы, слабое утешение. Казалось бы, после того, что мне пришлось пережить впоследствии, горькое чувство, охватившее меня в день возвращения в Тригондум, должно бы если не исчезнуть, то по крайней мере ослабеть. Но оно все так же неизменно. Это, пожалуй, и придает мне силы. Может, я не выстояла бы в дальнейшем, если бы не эта горечь.

Стало потише, сказал мне мельник. Да, такой тишины я не слыхала даже среди пустоты и безлюдья зимних полей. Поля эти спали, а город был мертв. Или у меня уши заложил, когда я увидела черные руины? Тригондум невелик, большинство домов в нем были деревянные, и пожар их не пощадил. Люди встречались редко и передвигались молча. Никто не заговаривал со мной, хотя меня знали почти все в городе. Может быть, они разучились что-либо замечать? А может, я уже умерла, и лишь тень моя бродит среди развалин и встречает другие тени?

Я передвигалась по городу, точно став невидимкой. Но я-то видела их лица. И тоже молчала.

Центральная часть города сохранилась лучше, видимо, пожар сюда не дошел. Здесь повсюду замечались иные разрушения – следы грабежа.

Наконец я свернула в Колокольный переулок и, пройдя немного вперед, увидела свой дом. Он был цел. Замок сбили, и дверь висела на одной петле, но сам дом уцелел. Я остановилась. Мне очень хотелось войти, но я медлила. Сердце мое заполняла тревога – не знаю почему, улица была пуста. И почему-то я подумала о том, как защитить себя, что раньше меня не волновало. Я никогда не дралась, даже в детстве, и нож, который я всегда носила на поясе, служил совсем для других целей. Просто лекарю порой необходимо иметь при себе хорошо наточенный нож.

Я не могла войти и должна была войти. Во всем этом была некая неотвратимость, природы которой я не могла понять. Я превозмогла это дурное чувство и вошла. По привычке затворила за собой дверь. Внутри был разгром. Нельзя было шагу ступить, не попав на черепки разбитой посуды или клочья растерзанных книг. Зрелище было тягостное, но объяснимое. Не найдя в доме денег или каких иных богатств, грабители покрушили и порубили мечами все, что подвернулось. Я подошла к лестнице, чтобы подняться наверх и посмотреть, как там. И снова остановилась. Вдруг я поняла – наверху кто-то есть. Тоска пронзила мое сердце, не страх, а безнадежная тоска, будто я все знала наперед. Я ничего не услышала – ни стука, ни звона. Ни одна половица не скрипнула. И никакого движения в воздухе. В доме стоял полумрак, окна все еще заколочены, как перед моим отъездом, единственный луч пробивался из-под двери. А наверху кто-то был. И ждал, когда я поднимусь.

На этот раз я не убеждала себя, не говорила: «Кому я нужна?», не боролась со своими предчувствиями. Стараясь двигаться беззвучно, я отступила назад. Обернулась к двери.

Но они уже были там, у входа.

Наверху и снаружи.

Оставалось верить лишь в то, что я сумею пробиться.

И я распахнула дверь.

II. Торгерн

В зале несло сыростью, по ободранным стенам стекала вода, и факелы чадили. Вообще все осточертело. Хотелось плюнуть на все и уйти к солдатам, туда, где снег и мороз... и какого дьявола ждать? Никогда не ждать. Раздавить городишко, как муху, потом переломать хребет Иоргу, потом...

Гул голосов раздался в коридоре. Значит, удалось. Ладно, посмотрим, что это за сокровище такое.

Вошли солдаты. Они несли что-то, похожее на мешок. Потом бросили этот мешок на пол, к его ногам. Но это был не мешок.

– Убили, сукины дети?

– Нет, – быстро и с готовностью ответил один. – А так, конечно, поучили слегка... Да вон, шевелится!

– Поставь ее на колени.

Приказ был тут же исполнен. Он присвистнул. Его предупредили, что это не красавица, но стоящая на коленях женщина показалась ему просто уродливой. Тоща, как моща, спутанные космы темных волос, изжелта-бледная кожа, крючковатый нос, узкие губы – в точности...

– Ведьма, – процедил он, глядя, как она размазывает кровь по лицу.

Мгновенный отзыв на первое ощущение, но, черт побери, вернее определения он бы не нашел, если бы стал искать. Такие женщины в старости глядятся совершенными старыми ведьмами – когда выпадут зубы и провалится рот. Однако что-то в облике приведенной – может быть, ее худоба и бледность, – заставляли предположить, что вряд ли у нее будет шанс дожить до старости. Впрочем, это зависело от него.

– Это она, – сказал Безухий, хотя его никто не спрашивал. И тут же сжался. Торгерна он боялся до судорог, до тошноты. Но то, что князь никак не ответил на его выходку, ободряло. – Она и есть. Карен-лекарка, чертова подружка. Где Летопись, сука?

Она молчала. Ее глаза, непропорционально большие, были неподвижны и все же живы. Так свет перемещается в полированных гранях.

– Отвечай, – приказал Торгерн.

– Молчит. – Сознание того, что Карен ничего не сможет ему сделать, возбуждало Безухого необычайно. – А наглая какая была! Топором махала! Обзывала всячески! А я все разведаль, все узнал, и – прямиком к светлому князю...

Женщина вдруг быстро, почти незаметно изменила позу: уже не стояла на коленях, а сидела на полу.

– ...и все ему про Летопись, а он мне – стану я зазря своих гонять, а я ему – не зазря, я тайные ходы знаю, я уж из этого города гнусного спасался – и все так, и все наше!

– А Летописи нет, – сказал Торгерн с какой-то зловещей веселостью.

– Найдется! Она тут, видно, перепугалась, пряталась где-то и Летопись прятала. Сейчас у нее от страха язык отнялся, а встряхнуть ее как следует – признается!

– Так я и знала, что предательство было. Да еще и ты. – Резкий, рваный голос раздался неожиданно. Она обращалась к Безухому. Присутствия Торгерна она, казалось, вовсе не замечала.

– Где Летопись?

– Никогда вам ее не прочесть.

– Упорствует, – сказал Торгерн. – Это ничего.

– Говори, где Летопись, пока из тебя этого не выбили! – заорал Безухий.

– А и глуп же ты, – сказала она с явным пренебрежением.

– Это почему же? – обиделся Безухий.

– А не был бы глуп, знал бы, что самое важное не записывают на пергаменте.

– А... что?

– Запоминают, тварь! Никакой книги нет, то есть я и есть книга.

– Врешь! Увиливаешь!

– А похоже на правду, – заметил Торгерн. – Так оно и проще.

– Да! Сама все расскажешь! Огнем и железом... клещами и дыбой... всего добиться можно!

– По себе знаешь? – Она поднялась на ноги. – А ничего у вас не выйдет. Он все разведал? Или скрыл от хозяина, что Карен – калека? Посмотри на меня! Да я умру на первой растяжке. Попытки хороши для здоровых, от нас, слабых и хилых, ими ничего не добьешься!

– А если, скажем, ногти тебе вырвать? – с интересом спросил Торгерн. – Или раздеть и на мороз выставить?

– Ну и беседуй с мерзлым трупом, – отрезала она, продолжая смотреть на Безухого, и только бросила в сторону: – Обманули тебя, а?

– Верно, дурной товар продал, собака.

Вошел Измаил, глянул по сторонам.

– Говори, говори. А эти двое живыми отсюда не выйдут и болтать не будут.

– Разведчики вернулись. Йорг в двух переходах к югу.

– Ловко! Пришли ко мне Флоллона. Шевелись.

Лекарка, кажется, пропустила весь этот краткий диалог мимо ушей. Стояла в стороне, полностью погружившись в себя. Но Безухий... Он никак не мог переварить слова насчет «живыми не выйдут». Ему слишком много пришлось пережить за последние полчаса, и страх, в котором он жил постоянно, значительно притупился.

– Как это? Я все сделал! Все... и мне за это... Где же правда?

Торгерн не отвечал, и равнодушный его взгляд ввел Безухого в заблуждение.

– Где твоё слово, господин? Мне доля была обещана! Я заслужил! Я...

Он начал требовать. А в присутствии Торгерна нельзя было требовать. И торговаться. И даже просить у него не следовало.

Торгерн не стал звать стражу, чтоб унять крикуна. Только тот, кто внимательно следил бы за его рукой, успел бы увидеть, как рука это выхватила меч, – так легко он это сделал. Ударил – как любил – от левого плеча к бедру. И, нагнувшись, вытер лезвие.

Неожиданно он услышал смех у себя за спиной. Он обернулся. Смеялась лекарка. Лужа крови, растекавшаяся по плитам, подбиралась к ее ногам.

– Не боишься кровью замараться?

– Плохая была бы я лекарка, если б боялась крови, – со смехом же сказала она.

– Что смеешься? Думаешь, тебе от этого лучше будет?

– Нет. Но я хотела, чтобы он умер, и он умер.

В этом смехе не было ни безумия, ни издевки, вызванной страхом. Разумеется, он не делал умозаключений. Он просто всегда шкурой ощущал, боится человек или нет. Эта женщина не боялась. Но чтоб чувствовать уважение к врагу? Ничего подобного. Ничего он не чувствовал, кроме глухого раздражения.

Вошел Флоллона в сопровождении Измаила, поднял руку в приветствии. На разрубленное тело, валявшееся на каменном полу, никто не взглянул. Торгерн кивнул Флоллоноу, чтоб садился, а Измаилу приказал:

– Запри девку где-нибудь поблизости. Поставь охрану. После я сам ее допрошу. И по пути кликни кого-нибудь, чтоб прибрали эту падаль.

* * *

Карен шла по двору. Охранников было двое, и еще этот чернявый. Мороз стоял лютый, а она шла в платье, с непокрытой головой (плащ, шапку и рукавицы потеряла в драке), но холода не чувствовала. Только теперь, с опозданием, она ощутила, где она и кто вокруг нее. Качающиеся спины стражников, обугленные руины, труп Безухого с выкаченными глазами. Зверье... Нет, зверьем их нельзя назвать, потому что «зверье» для них похвала. Она понимала сейчас, где находится, хотя раньше никогда не бывала внутри. Раньше в этом здании заседали городские старшины... а этот разграбленный ободранный зал... кажется, это был зал суда. Суда!

Ее втокнули в боковую дверь, повели наверх по лестнице. Потом снова толчок в спину и лягг засова. Она была в довольно большой комнате, к которой примыкало несколько маленьких и тесных камор, скорее даже ниш. И снова она догадалась, что это. Бывшее помещение архива, тоже разграбленное. Все, что имело хоть какую-то ценность, отсюда выволокли. В большой комнате на стене сохранился ковер, такой облезлый, что на него никто не польстился, некрашенный стол и разбитый сундук, в котором раньше, вероятно, хранились книги. Оконце под самым потолком было такое узкое, что даже она при своей худобе не смогла бы пролезть.

Итак, заключенная, безоружная (нож у нее отобрали сразу же) – в логове врага. Однако страх был так же неощутим, как и холод.

Она села на сундук и принялась пальцами разбирать спутанные волосы. Учитывая их обилие, это занятие могло продолжаться неопределенно долго. Но ей необходимо было чем-нибудь занять руки, чтобы освободить голову. Все, что случилось в зале, мгновенно осветилось в сознании, и она поняла, почему не испытывает страха. Торгерн. Ненависть к этому человеку (человеку?) сразу охватила все ее существо, так что для страха просто не осталось места. И Карен обрадовалась этой ненависти. Она была единственной реальностью в этом распадающемся мире. Единственной опорой. Здание жизни, любовно возводимое многие годы, обрушилось в прах. Она могла бы растеряться, впасть в отчаяние. Но тут пришла эта ненависть – легко и естественно. И Карен снова стала бодра и сильна. И напугать могла разве что легкость, с которой эта ненависть пришла. Боже мой, она, в жизни не причинившая зла ни одному живому существу, радовалась смерти человеческой! И виной – не только преступление Безухого. Нет. Влияние животной злобы, жестокости, исходящее от... того. Торгерн. Она снова вернулась к этому имени, имени, которое отныне носила ее ненависть. О человеке она не думала. Ей не было дела до него. Она даже не заметила, как он выглядит, молод или стар, красив или безобразен. Слишком явной была сущность.

Между тем наступил вечер. Ранний зимний вечер, а она все так же сидела в полной темноте, погружившись в свою ненависть, глубоко равнодушная ко всему остальному, в том числе и к течению времени. Из оцепенения ее вывели шаги и голоса за дверью. После долгой тишины они слышались грохотом. Да! Он не забыл прийти лично допросить ее. Карен стиснула зубы. Усилием воли уняла биение сердца. Следует быть готовой ко всему, в том числе и к смерти, которая, видно, ходит здесь свободнее, чем на поле сражения. Смерть! Ни о каком ином выходе она не думала, ненависть парализовала ее мозг, лишив его если не силы, то быстроты мысли.

Торгерн вошел, за ним – неперемный Измаил, который нес горящую плошку. Поставив светильник на стол, телохранитель тут же развернулся и вышел. Торгерн осмотрелся и, поскольку сесть было негде, встал, опершись на стол. Умышленно оттягивая начало допроса, бесцеремонно оглядывал пленницу, словно мало нагляделся на нее в зале. И чем дольше он на нее смотрел, тем больше она ему не нравилась. Особенно неестественно выглядела эта грива волос, кажется, непомерно разросшаяся за счет тщедушного тела. И глаза. Он даже и не знал

раньше, что глаза бывают такие большие и темные, темные – не черные. Такое впечатление, что из-за своей величины они видят сразу больше, чем глаза обычные. И она смотрела на него. Смотрела впервые. Ей совсем не хотелось смотреть, но опустить глаза значило сдаться, проявить слабость, и она глаз не опустила. Кроме того, нужно было посмотреть, что же именно такое она ненавидит.

Большая, широкая, тяжелая фигура. Впечатление страшной силы при свободе движений, без всякой скованности. Темная, продубленная кожа и совсем белые, выгоревшие волосы. Мертвенная правильность черт. Что же касается глаз, то их вроде бы и вовсе не было. То есть они, конечно, были, но ничего не прибавляли к общему впечатлению.

Наконец игра в молчанку ему надоела.

– Хватит. Помолчали, и будет. Я тебя сегодня слушал. Похоже, ты не врешь насчет собственной памяти. Славно придумано – посторонний глаз не увидит, а грамота – она для попов. А вот дальше, когда увертки пошли... Уясни себе, глупая баба, я могу сделать с тобой все. Все! Я могу сжечь тебе ноги и бросить собакам то, что останется. Могу отдать тебя своим солдатам, если они польстятся на такое пугало. С тебя будут снимать кожу по кускам, покуда ты не признаешься во всем. Так что признавайся сейчас. Здесь! Мне палача звать не нужно.

– Верю, – сказала она. – Верю. – Этот язык она уже слышала и знала, как на него отвечать. – Только не надо меня пугать. Слушать нужно было лучше, если думать не умеешь. Ты вот здоров как бык, а я, вообрази себе, очень больна. Убить меня легче легкого. Если меня ударить, я могу умереть, понял? А это тебе невыгодно. Так что не надо твердить мне про пытки. Про то, что отдашь меня солдатам, – тоже не надо. Ты проиграл в обоих случаях.

– Так что же с тобой можно сделать?

– А уговорить меня. Убедить, что ты – именно тот человек, которому я могу доверить тайну. Только вряд ли у тебя получится.

Он искренне расхохотался.

– Ну, хитрая стерва! Думаешь голову мне задурить, как своим горожанам? Уговорить ее! Уговорю, не беспокойся. Решила, если тебя пытать нельзя, так на этом все и кончилось?

Слово «тебя» он выделил. Она поняла, но промолчала. Он продолжал:

– Или других способов нет? Разговоришься... хотя к тебе и пальцем не притронутся! Я таких видел, знаю!

– И кого же ты пытать собираешься? – спросила она. – Для моего устрашения? Родных у меня нет, друзей тоже... собаки и той нет у меня.

– Да, – согласился он. – Докладывали. А крови ты не боишься...

Все это, видимо, занимало его. Причем все время он не сводил с нее глаз. Это было невыносимо, но она не отворачивалась.

Однако дело было не в том, что он ее испытывал. Он и сам не знал, в чем. И не задумывался. Мало ли... Кажется, ему удалось разрешить трудность.

– А просто-то... Правда, подождать придется, но зато потом уж... дело верное! Этот воруга доносил – в городе говорят, больно жалостливая ты, слез чужих не переносишь... Ну, его ты не шибко пожалела. Может, и врал. Но попробовать стоит. Пошлю сейчас в город, прикажу собрать у здешних сопляков поменьше... штук пяток... или десятков... сколько найдут. Так вот, пытать будем их. А ты, красавица, не отворачивайся.

Она мгновенно поднялась на ноги, выпрямилась, поднесла сжатые кулаки к горлу. Произнесла сдавленно:

– Этого ты не сделаешь.

– Сделаю. Я ведь предупредил – я все могу сделать.

Она быстро пересекла комнату – будто летучая мышь пролетела, остановилась под окном. Пламя в плошке колыхнулось от шагов. Он разглядел у нее на виске пятно засохшей крови.

Знахарка снова повернулась к нему. Неужели зацепило? Нет, тут что-то другое.

– А я тебе вот что скажу. Я тоже все могу сделать. Не как ты. По-своему. Ты с другими – я с собой. Ты никого не жалеешь, а я себя не пожалею.

– Как? – презрительно спросил он. – У тебя и ножа-то нет.

– А хоть бы и так. – Она быстрым движением обернула жгут волос вокруг шеи.

– Ловко, – сказал он и замолчал. Почему?

Она думала о Летописи. Она обещала отцу во что бы то ни стало сохранить ее. И умереть без преемника? Но такой ценой... Нет. Нет.

А он не мог понять, почему не отправит ее в пыточную, почему сам не займется ею. Говорила, умрет от пыток? Чуть, это можно проверить. Что-то другое тут... что-то другое.

– Значит, жизни своей не жалеешь? – сказал он и вдруг почувствовал, что его сбивает с толку. Он просто хотел эту женщину. Может, это темнота была виновата, в темноте, при мерцании плашки, она казалась более привлекательной, чем днем. Или все эти разговоры о пытках, мучениях, сама близость смерти, возбуждавшая, как волка – запах теплой крови. Да мало ли что! Даже самая ее убогость, эта тонкая шея и плоская грудь пробуждали желание. Она думала о Летописи, а он сейчас забыл о ней, с такой силой влечение овладело им. Как, почему? Он не задумывался. А отказывать себе он не привык ни в чем. Особенно когда желаемое под рукой. То, что он хотел, он брал немедленно. И он просто протянул руку.

Она отшатнулась. От удивления – не от страха. Она не понимала. Этого она не знала, еще не знала. Но, отступая, начала все-таки понимать. Он надвигался на нее. Она уперлась в стену – дальше отступать было некуда, – и тогда впервые в этих огромных распахнутых глазах показался страх. И этот страх и бессилие распяляли еще больше. Она вжалась в стену, цепенея от ужаса и отвращения, но все еще пыталась вразумить, заговорить, как заговаривала злых собак, задержать голосом:

– Ты что, с ума сошел? Сколько красивых, здоровых женщин, зачем тебе понадобилась калека? Или ослеп, не видишь, какая я?

Бесполезно. Бесполезно. Тьма застилала глаза, и она видела только руки, тянущиеся к ее горлу и плечу. И последний, известный ей одной способ не помогал. Она чувствовала перед собой непробиваемую защиту, построенную из бешеного желания и жадности. И тоска, тоска... А руки уже схватили ее, и, задыхаясь, тщетно пытаясь вырваться из этих клещей, она неожиданно заорала в надвинувшееся лицо:

– Твой отряд сейчас бьют у Горелой роши!

Клещи, державшие ее, разжались, она пошатнулась, но устояла.

– Что? Какой отряд?

– Тот, который ты послал на юг. Люди Иорга обошли его с тыла.

Теперь уже отшатнулся он. И злоба была в его лице, злоба от непонятного.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Я это вижу.

Она готова была смеяться. Все ушло – усталость, беспомощность, боль, тоска. Были легкость и ярость, а может быть, это ярость создавала ощущение легкости.

– Все врешь. Кто донес тебе?

– Если им удастся прикончить твоих, они подойдут к Южным воротам и зажгут их. Твои пока еще держатся. Но хватит их ненадолго – там, у разрушенной часовни. – И торжествующе: – Ты здесь, а их перережут, как свиней!

– Ты что, ведьма?

– Нет, – хрипло сказала она. Ей и в голову не пришло бы сейчас ответить иначе. – Но иногда я могу. Видеть. Вот так. – Тем не менее она не хотела отрицать своих способностей, ибо только они могли в эту минуту спасти ее, а он сразу поверил. О, он, безусловно, верил в ведьм.

– Значит, ведьма, – процедил он. Шагнул к двери, обернулся. – Если соврала – умрешь.

В дверях он бросил на нее последний взгляд, словно проверяя.

Но она стояла выпрямившись, спокойная, уверенная, и страха больше не было в ее глазах.

Однако стоило двери захлопнуться, силы вновь покинули ее. Уверенность тоже. Она села, уронив голову на руки. Ей было плохо. Навалилась страшная усталость, знобило, трясло. И тошнило так, словно насилие, которого удалось избежать, совершилось в действительности. Мир подернулся пеленой отвращения, которая застилала и разум. Твердо понималось лишь одно: «Не сдамся». Она еще не знала, как, но не сдастся.

Потом с ней случилось то, что могло бы показаться невероятным. Она заснула. И сон, который ей привиделся, был странен. Она стояла на городской стене, опоясывающей чужой город с причудливыми разноцветными башнями, а под стеной было море, которого она никогда не видела. Стоявший рядом белобородый старик в чужеземной одежде что-то говорил ей, а она отвечала. И продолжалось это долго, и разговор, видимо, был важен, но Карен не знала языка, на котором она во сне беседовала со стариком, и потому ни слова из этого разговора не поняла.

* * *

Открыв глаза, она увидела свет в оконце. Белый свет, белый снег снаружи. Она придвинула стол к окну, влезла, собрала, дотянувшись до карниза, две пригоршни снега и умылась. И тут услышала лязганье ключа. Мгновенно прыгнула, приготовилась обороняться. Но это был не Торгерн, а его телохранитель, тот самый черноволосый парень.

– Привет, – сказал он так просто, будто они сто лет дружили.

Он смотрел на нее с любопытством, она – настороженно. Что ему нужно? Может, он вчера подслушивал или Торгерн ему о чем-то сказал? Нет, похоже, он просто пришел проверить, все ли с ней в порядке. Удостоверившись, что это так, он сказал:

– Слушай, тебя ведь вроде не кормили? – И, не дав ей ответить, со словами «Погоди немного» выскочил. Вернулся он действительно очень быстро. В руках кувшин, покрытый лепешкой и ломтем ветчины. Поставил на стол рядом с потухшей плошкой. – На, поешь.

Голодать было пока ни к чему.

– Это он велел принести?

– Нет. Он еще не вернулся. Я сам.

Она села, откусила от хлеба с ветчиной.

– Ишь ты. А если хозяин узнает про твое самовольство?

– Я ему сам скажу. Нельзя морить человека голодом.

– Не боишься? – Отхлебнула из кувшина. Слабое просяное пиво. Поморщилась – не любила пива.

– Нет. Он добрый, он поймет.

– Так. Тебя как зовут?

– Измаил.

– Ага. Ты, Измаил, дурак или притворяешься?

Он не обиделся, может быть, и не понял.

– Ты зря насмехаешься. Он великий человек, таких еще не бывало, люди за ним везде пойдут. Правда! Он ничего не боится, ничего. Будь перед ним врагов хоть в десять раз больше, чем у него, он все равно пойдет в бой и всех победит. А к слугам своим он щедр и дает им золото, и запастья, и...

– Рабов, – заключила она. Этот перечень был ей знаком, но в словах телохранителя звучало не заученное верноподданническое восхваление. Он говорил искренне.

Молодой парень. Чуть выше среднего роста. Черные блестящие глаза, худое смуглое лицо. Силен, ловок, неглуп. И вот – на тебе!

– Ладно, Измаил. Забери это. – Отодвинула кувшин. – И не берись проповедовать. У тебя не получается. Лучше скажи, что за шум во дворе?

Она давно уже прислушивалась к доносящимся издали голосам, но не понимала, что там.

– А-а. – Он засмеялся. – Значит, наши уже вернулись. Гонец прискакал на рассвете. Знаешь, вчера отряд Элмера напоролся на противника. К Южным воротам шли, а посты прохлопали. И быть бы им битыми, но князь вовремя подоспел. Говорят, славная была драка, жаль, что меня там не было! Тебя оставил стеречь. А теперь я пошел, я при нем должен состоять.

Сообщение Измаила было важно. Хотя она и без того знала, что не ошиблась. Значит, он опять победил на этот раз! И, спасая себя, она поневоле спасла и убийц, тех, кто грабил город. Да, но если бы она этого не сделала, город ожидал бы новый налет, новые жертвы... Она поступила правильно. И когда он придет, разговор пойдет уже по-другому. А он придет. Скоро придет.

Он пришел. Сел на стол, уставился на нее. Нет, глаза у него были, конечно. Настолько же светлые, насколько у нее темные. Ледяные глаза.

– Ты знала.

– Я же сказала тебе.

– Там и вправду была часовня... и роща. Ты видела?

– Зачем повторять?

– А сейчас что ты видишь?

– Тебя. Больше ничего.

– Не прикидывайся! Как это у тебя получается?

– Бывает по-разному. Это не от меня зависит.

– От кого же?

– Не знаю. Находит. Само.

Он слушал с жадностью, но это была не та жадность, что вчера. Он страшно суеверен, а суеверие – великая сила. Большая, чем вера.

– Ты видишь только то, что происходит сейчас?

– Не всегда. Разное.

– А то, что будет?

– Иногда. Если сила найдет.

– Значит, ты можешь предвидеть судьбу?

– Свою – нет. Так положено.

– Почему?

– Сила уйдет.

– А чужую?

– Чужую случается.

– А мою?

– Твоя судьба еще не совершилась. – Она произнесла это сразу, не задумываясь, а он не переспросил, видимо, согласный с этой формулой.

– А если приказать тебе увидеть?

– Бесполезно. Когда откроется, тогда и увижу.

– А если врешь?

– Я всегда говорю только правду, – с глубочайшей серьезностью сказала она. – Мне иначе нельзя.

– А порчу... грозу... ураган – можешь насрать?

– Ты слишком много хочешь знать.

По выражению ее лица было видно, что больше она об этом ничего не скажет. Он смотрел на нее. От ночного наваждения не осталось и следа. Она была безобразна. Он не понимал, как мог желать это хилое тело, почти лишенное плоти. И ни один мужчина не может. Узнал бы кто – высмеют же! И если такое было вчера, то значило только одно.

– Я сразу догадался, что ты ведьма. Твои горожане – ослы. Карен-лекарка. Хотя ты им отвела глаза. Но со мной такое не пройдет. Ты знала про Иорга. И что Безухий умрет – знала. И когда город брали – где ты была? Ни одна душа не могла сказать. Как сквозь землю провалилась. («Слава Богу, хоть Бранды будут в безопасности», – подумала она.) Одного ты не предвидела – что попадешься мне.

– Ну и что?

– Ты можешь продолжать упираться, как вчера. Тогда я сделаю то, что обещал. Я чар не боюсь, слышишь? Но ты можешь избежать позорной смерти... ты можешь даже жить изрядно, а не кормить крыс в подземелье – если твоя сила будет служить мне. «Правду». Я тебе не верю. Но сам я посмотрю, что ты умеешь, и поступлю с тобой так, как ты заслужишь. Условие одно – служить будешь только мне. Верных я награждаю, но измену караю без жалости. А там и до Летописи дело дойдет. Согласия твоего не спрашиваю, оно мне не нужно.

И, легко соскочив со стола, направился к выходу. У порога его догнал голос:

– Только без глупостей.

Такое было чувство, будто ему плюнули в лицо.

Она мерила шагами единственную комнату, где было окно. Свет! Как хотелось света... А она заперта в этой конуре. Хотя раньше ни отсутствие света, ни ограниченность помещения ее не стесняли. Сейчас ей нужно было сосредоточиться.

Замысел. Она продолжала ходить по комнате. Она не представляла еще этого ясно, но вслед за толчком мысли уже шло решение.

Бежать? Бежать, конечно, можно. Для этого нужно лишь сделать вид, что согласилась, а в дороге это сделать легче, но... Еще вчера она без колебаний приняла бы любую возможность побега, а сегодня... сегодня она почувствовала, что может изменить ситуацию. Темный ум, слепо верящий в чудеса. Это не ново. Почти каждый полководец возит за собой колдунов и прорицателей, а если кто такого избежал, ясно, честь ему и хвала, но этот-то с честью ходит разными дорогами... Ее снова передернуло от отвращения. Потом она засмеялась. Не над ним. Над собой. Еще и суток не прошло, а мысль о влиянии уже родилась.

«Предположим, я впадаю в ошибку, свойственную всем женщинам, когда они думают, что могут исправить мужчину. Ну уж нет! Прежде всего я – не женщина, всем должно забыть, что я женщина, иначе ничего не выйдет. А исправлять я никого не собираюсь. Это не по моей части. Воздействовать – вот что мне нужно».

Там, внизу, во дворе, в нижних помещениях, они праздновали свою победу. Где-то вдали играла музыка (неужели взяли с собой музыкантов? Или согнали здешних?), но все звуки стихали на полпути, и здесь она слышала лишь однообразный барабанный бой.

Бил барабан. В окно заметало снежинки. Она ходила, сцепив пальцы.

Замысел. Не уступить и не погибнуть. Задача.

На исходе января армия покинула Тригондум. Даже при самых выгодных условиях и наибольшей скорости передвижения их путь должен был продлиться больше месяца.

Карен ехала вместе с обозом на смиренной лошади, которую ей привел Измаил. Он же доставил ей плащ, рукавицы (и то, и другое было страшно велико), палатку и два меховых одеяла. Она немного выучилась ездить верхом во время своего житья у хуторян. Иногда шла пешком, чтобы размять ноги. Вообще постоянный холод, усталость, все тяготы зимнего военного пути стесняли ее меньше всего. Как многие привыкшие болеть люди, она была весьма вынослива. Хуже было то, что за ней неизменно следовал конвоир. Менялись они каждый день.

Казалось, ее великие планы замерзли на мертвой точке. Да и сами-то планы разве не смешны? Что она могла – слабая женщина-полукалека, увозимая в обозе среди прочей военной добычи? А ужасающее безмолвие этих белых открытых пространств? Кто передаст тоску

городского человека, затерявшегося в степи, когда знаешь, что и завтра, и послезавтра, и через неделю не встретишь никакого жилья? Ей и раньше приходилось удаляться от города, но так далеко и надолго – никогда. А ведь в то время она знала, что вернется домой. Больше некуда было возвращаться.

А главное – ощущение своей чуждости всему окружающему. Ей приходилось всему учиться заново. И в первую очередь учиться жить в полном одиночестве и готовности к смерти. Она и прежде, давно уже жила одна. Но это было не настоящее одиночество. Это было одиночество среди своих. Она и раньше стояла на грани жизни и смерти, но отец с Нехассой вытащили ее с того света. Теперь ее никто не вытащит. Надо привыкнуть. Надо привыкнуть. Говорят, и к пыткам привыкают, хотя она никогда в это не верила. Надо привыкнуть. Никто не поможет. Бог? Кто помнит на нашем веку, чтоб он хоть раз вмешивался в людские дела? Нет. Она одна.

А ведь ей предстояло все это подчинить себе. Да, подчинить. Она не впала в отчаяние и не отказалась от своих намерений. Она молча ждала своего времени. Торгерн ни разу не вспомнил о ней. Можно было обрадоваться и готовить бегство. Но у нее на этот счет было свое мнение. А пока она принялась, поскольку не могла жить без дела, за свое прямое занятие – врачевание.

Вот тут она постоянно вспоминала свое погибшее имущество. Там были снадобья, законно вызывающие у нее чувство профессиональной гордости, инструменты, которые лучшие мастера Тригондума изготавливали по ее указаниям. Но ей бы даже не их, а травы, которые можно найти в сумке у любой знахарки! Не было ничего.

Зубную боль можно заговорить, головную снять, но разве здесь это главное? И зима, как назло, ничего не найдешь. Кора, почки могут пойти в ход, но нужно выходить из лагеря, а кто отпустит? Лучше было, когда приставленным к ней конвоиром бывал Измаил. Он не препятствовал ей отходить довольно далеко от лагеря, сам, конечно, не отставал. Ему приказали следить за ней, и он даже не делал труда скрывать это. Может, оно ему и выгоднее. Таким образом легче добиться доверия поднадзорных, хотя эта идея вряд ли могла прийти ему в голову. Встретясь они при других обстоятельствах, она сказала бы «славный мальчик». Да он и был таким, этот мальчик. Они были одних лет, но с ее точки зрения он был мальчиком, с энтузиазмом выполняющим ответственное поручение. Похоже, он действительно относился к ней дружески, поскольку делу это не мешало. Он беспрестанно задавал вопросы – что, зачем, когда. Иногда это раздражало. Если бы она почувствовала в нем искреннее стремление к знанию – нет, не жадность разума, а любопытство вело его. Всего лишь любопытство. Пока. Она не перебивала его и только однажды задала встречный вопрос: «А ты много людей убил?» Он махнул рукой: «Я не считал». Нет, альтернативы «плохой господин – хороший слуга» не получалось. Между слугой и господином существовала полная гармония. Измаил был предан своему хозяину безоглядно и не допускал чего-нибудь против него ни в мыслях, ни на словах. И не из принципа. Просто ему так нравилось. Ему все нравилось – нравилось жить, нравилось воевать, нравилось учиться – о Господи. Тем более что за разговорами о врачевании должна была последовать практика, и здесь Измаил мог быть ей полезен – когда их путь пролегал через какую-нибудь жидкую рощицу или мимо занесенного снегом ракитника, он резал для нее ветки, а она заледеневшими пальцами разгребала снег, искала корни, наросты на стволах.

Теперь по вечерам она кипятила в котелке свои отвары, а страждущие зубами, животом или прострелами, а также обмороженные сползались к костру. Ее лечение помогало, а кроме того, она ничего за него не брала. Порядочный лекарь, может, и не потерпел бы соперничества, но здесь не было порядочных лекарей, да и о непорядочных что-то не было слышно, поэтому с каждой стоянкой болящих все прибывало. Однажды она заявила, что ей нужно вскрыть опухоль, а ножа нет. На следующий день Измаил принес ей нож, видимо, доложил по начальству и получил дозволение. Стало немного спокойнее – если вообще о спокойствии могла идти речь.

Она не была здесь единственной женщиной, но что это были за женщины, боже мой! И боже упаси было осуждать их. Глядя на них, Карен могла разве что порадоваться, что не считает себя женщиной. Но радости не было. Мало кто выдерживал в тяжких условиях зимнего похода, однако попадались и выносливые, «клячи», как их здесь называли, скорее страшные и отталкивающие, чем вызывающие вожеление, в своих пестрых отрепьях и с наведенными углем бровями. Карен никогда не испытывала пресловутого презрения «порядочной» к «солдатским шлюхам». Она их жалела, особенно одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.